Чернышева А. В.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ "ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО" МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/76.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 172-174. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ «ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО» МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Чернышева А. В.
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

При всей обоснованности «теории рационализма» М. Вебера, миф является важнейшей частью нашей жизни и нашего мироощущения, он «всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа»[1]. В словаре социальной философии этот термин определяется следующим образом. *Миф* (греч. – слово, речь, предание) – язык описания, оказавшийся, благодаря своей исконной символичности, удобным для выражения вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Миф является базисным феноменом человеческой культуры[2].

Р. Барт в «Мифологиях» определяет миф вообще как феномен культуры повседневности. Согласно Р. Барту, миф – это коммуникативная система, сообщение, один из способов «означивания».

С одной стороны, с помощью мифов, которые М. К. Мамардашвили называет «машинами культуры», мы прорываемся к отдельным «файлам», содержащим информацию о прошлом. С другой стороны, мифы являются эффективным инструментом «конструирования реальности», что активно используется всеми тоталитарными режимами.

«Политический миф – это миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства»[3]. Используемые в качестве инструмента политической борьбы, мифы оказывают колоссальное влияние на общество. Политическую мифологию можно назвать «прикладной мифологией»,[4] поскольку за любым политическим мифом скрыты конкретные интересы определенных лиц и групп.

Особенность политического мифа состоит в том, что он всегда стремится стать реальностью. В этом крайне заинтересованы те лица и группы, которые эксплуатируют данный миф. Попытки подменить реальность мифом часто заканчиваются трагически. Но, с другой стороны, без этих попыток не было бы истории. «Все наши художественные, политические или социальные понятия, – пишет Г. Лебон, – непременно носят на себе могущественный отпечаток иллюзий. Человек иногда повергает в прах эти иллюзии ценой ужасных переворотов, но он всегда бывает вынужден снова извлечь их из-под развалин.

Без этих иллюзий ему не удалось бы выйти из состояния примитивного варварства, и без них он скоро снова впал бы в то же состояние. Все это пустые тени, дочери наших мечтаний, но они вынудили народы создать все то, что составляет теперь славу искусства и величие нашей цивилизации. Главным фактором эволюции народов никогда не была истина, но всегда заблуждение»[5]. Иллюзии, о которых пишет Г. Лебон, это и есть политические мифы – истинные «локомотивы» прогресса.

Важнейшая функция политического мифа – легитимизация властных институтов и носителей верховной власти в стране. Миф – это универсальная конструкция, которую всегда можно наполнить конкретным содержанием. Однако дело не только в конструкции мифа. Технологический миф по большому счету псевдомиф, поскольку он не опирается на архетипы. Между тем именно они являются энергетической подпиткой мифа. У каждого народа свои архетипические особенности, и, сформировавшись, они сопровождают народ на протяжении всей его истории. Поэтому политику, чтобы стать мифологическим персонажем, необходимо не просто создать некую конструкцию, но и вписаться в какой-то национальный, «вечный» миф.

Среди «вечных» мифов особое место занимают национальные мифы. Именно они, по словам Г. Лебона, составляют «душу народа». Сложившись в период становления нации, они сопровождают ее на протяжении всего исторического пути. Национальное самосознание формируется на основе мифов и неотделимо от них. Точнее было бы сказать, что исторические события становятся значимыми для потомков, когда они вписываются в структуру национального мифа. В этом смысле история нации – это миф, созданный ею о самой себе. Исторические события служат лишь строительным материалом для мифа нации.

Одним из первых миф в качестве политического инструмента использовал теоретик синдикализма Ж. Сорель. Под влиянием идей Г. Лебона он утверждает, что мифы должны создаваться искусственно, чтобы воодушевлять массы. Но если Г. Лебон осуждает революцию и пренебрежительно относится к толпе, то Ж. Сорель, напротив, является певцом революционного насилия, видя во всеобщей забастовке мифологическую концепцию, олицетворяющую социализм.

В политическом мифе центральной фигурой является сверхчеловек, носитель верховной власти. Архетип сверхчеловека может проявляться в самых различных формах – от монарха-самодержца до диктатора какой-нибудь «банановой республики». Даже в развитых обществах в кризисные моменты истории возникает потребность в сильном лидере. «Тяга к социальному лидеру возникает тогда, когда коллективное желание достигает небывалой силы и когда, с другой стороны, все надежды на удовлетворение этого желания привыч-

---

[1] Кассирер, Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. - М., 2001. - С. 384.
[2] См.: Социальная философия. Словарь / Под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. - М., 2003. - С. 241.
[3] Цуладзе, А. Политическая мифология. - М., 2003. - С. 56.
[4] Цуладзе, А. Политическая мифология. - С. 57.
[5] Лебон, Г. Психология масс. - Минск, 2000. - С. 230-231.

ными, нормальными средствами не дают результата. В такие моменты чаяния не только остро переживаются, но персонифицируются. Они предстают перед глазами человека в конкретном, индивидуальном обличье. Напряжение коллективной надежды воплощается в лидере»[1].

Иначе говоря, когда все рациональные механизмы политики перестают работать на арену истории выходит миф. Архаичные формы мышления вступают в законную силу. «Реликты былинного мышления все еще прочно владеют умами немалого числа современных россиян. Многие из них ждут, что явится герой-избавитель и мгновенно решит все проблемы, скопившиеся у нас едва ли не с тех самых былинных времен: поднимет хозяйство целого края, удержит от развала какую-то область экономики, спасет страну от грозящих ей бед»[2].

Идея сверхчеловека имеет древнюю историю. Для того чтобы понять ее «истоки», обратимся к исследованиям жизни первобытных народов. Уже Дж. Фрезер различает в примитивных культурах два типа человекобога: религиозный и магический. «В первом случае предполагается, что существо высшего порядка вселяется в человека на более или менее продолжительный срок и проявляет свою сверхъестественную мощь и мудрость путем совершения чудес и изречения пророчеств. К данному типу человекобога подходит название вдохновенного и воплощенного: человеческое тело здесь лишь хрупкий скудельный сосуд, наполненный бессмертным божественным духом»[3]. Что касается магического типа человекобога, то здесь «человекобог-маг есть не более как человек, но человек, обладающий необычной силой»[4]. Он черпает необычайную силу из некой физической общности с природой.

В интервью 1938 года К. Г. Юнг дает психологический анализ современных ему вождей, и в частности Гитлера: «Не возникает сомнений в том, что Гитлер принадлежит к категории действительно мистических шаманов. Гитлер, который неоднократно показал, что осознает свое мистическое призвание, предстает для фанатиков Третьего Рейха чем-то большим, чем простой человек»[5]. К. Г. Юнг считает, что «религия» Гитлера «наиболее близка к магометанству, реалистичная, земная, обещающая максимум вознаграждений в этой жизни, но с мусульманоподобной Валгаллой, попасть в которую и наслаждаться жизнью в ней имеют возможность достойные немцы»[6]. Исследователь видит в Гитлере мистическое, магическое начало: «Гитлер шаман, род божественного сосуда, полубожество, более того, миф… Гитлер вас пугает. Вы понимаете, что никогда не будете способны разговаривать с этим человеком, потому что это никто; это не человек, а коллектив. Он не личность; он целая нация»[7]. Таким образом, Гитлер соединяет в себе религиозный и магический типы человекобогов. С одной стороны, он служит «сосудом» для неких сверхъестественных сил, которые его ведут. С другой стороны, отождествляя себя с германской нацией, он обретает над ней огромную, «магическую» власть.

Итак, архаичные формы мышления не только не отступают, а, напротив, становятся доминирующими в эпоху, когда «бог умер». Политические лидеры уподобляются магам, человекобогам. Не случайно Э. Кассирер пишет, что «политик – священник новой, совершенно иррациональной и загадочной религии»[8]. Он имеет в виду, прежде всего Гитлера, но эта оценка верна и для современных политических лидеров.

Стержнем магического восприятия власти и ее верховного носителя является убеждение подданных, что все в стране зависит от первого лица государства. Далее простая логика подсказывает, что все проблемы страны может решить только сверхчеловек, наделенный неограниченной властью. Так миф готовит почву для диктатуры.

Еще одним грандиозным политическим мифом является миф о государстве. Само слово «государство» окружено легендами, предрассудками, всевозможными теориями и мифами, что вполне объяснимо. Зарождение и развитие цивилизации неотделимо от зарождения и развития государства. История человечества – это история государств. Без государства нет истории, нет нации, нет национальной мифологии. Поэтому понятие «государство», отношение к нему населения играют важную роль в истории любого народа.

Сразу оговоримся, что реальное государство (т.е. государственная машина, бюрократия) не имеет ничего общего с субъектом мифа о государстве. Государства, о котором идет речь в мифах, никогда не было и не будет. Хотя бы по той простой причине, что мифологическое государство – существо одушевленное и обожествленное. Достаточно вспомнить распространенные клише советской пропаганды: советское государство заботится о пенсионерах, борется за мир во всем мире, открывает дорогу талантам, защищает рядовых граждан от преступности, карает изменников и предателей, славит героев и т.п. Таким образом, государство всегда в действии и на страже интересов своих граждан. Но это не герой-одиночка, а скорее некая сверхъестественная, божественная сила. Сверхъестественная природа советского государства подкреплялась культом Ленина, чей мавзолей служил храмом, освященным советской властью.

---

[1] Кассирер, Э. Политические мифы // Реклама: внушение и манипуляция. - М., 2001. - С. 384-385.
[2] Дмитриева, Т. Характер русский. - М., 2001. - С. 64.
[3] Фрезер, Дж. Золотая Ветвь. - М., 1998. - С. 69.
[4] Там же.
[5] Юнг, К. Г. Диагностируя диктаторов // Одайник В. Психология политики. - М., 1996. - С. 346.
[6] Там же. С. 352.
[7] Там же. С. 354-355.
[8] Кассирер, Э. Политические мифы. - С. 386.

Государство – это тоже своеобразный миф, являющийся краеугольным камнем национальной мифологии. Бюрократическая машина мифом не является. Это именно машина, которая живет по своим собственным законам. Но это не законы мифа.

Мифологией любого типа государства является идеология. Именно она с помощью средств массовых коммуникаций создает необходимые для государства политические мифы, являющиеся политическим инструментом власти, создает систему манипулятивных средств, воздействующих на сознание масс.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ XX ВЕКА

Шаяхметова В. Р.
Пермский государственный университет

Обращение к истории страны в XX вв. показывает постоянный, непрерывный поиск моделей социального развития. Общепризнанные социальные действия российских властных структур осуществлялись в прямой зависимости от провозглашаемых политических и идеологических целей, финансовых возможностей страны. Немаловажным обстоятельством в процессе определения приоритетов социальной политики являлось наличие запросов на внутреннюю стабильность российского общества.

Капиталистический способ производства в начале XX в. подтолкнул процесс формирования некоторых элементов социального законодательства с ограниченной сферой действия, не связанных друг с другом и носящих рекомендательный характер для работодателей. Система социального страхования рабочих и социального обеспечения низов общества предлагалась на уровне разработок только социал-демократическими и либеральными партиями. Реализация социальных законов, вынужденно принятых царским правительством в 1912 г. в ответ на социально-экономические требования населения, оказалась невозможной в годы первой мировой войны, поэтому функции общественного призрения по-прежнему выполняли церковь, учреждения, благотворительные организации, землячества.

Правительство большевиков после прихода к власти приступило к созданию государственной системы социального обеспечения советских людей. Новая власть приняла около ста декретов и распоряжений в области социальной политики, декларировавших, что данный комплекс социальной поддержки предназначается только для тех, кто не имеет иных источников существования, кроме оплаты за свой труд. «…Отказываясь от принципа благотворительности, рабоче-крестьянское правительство осуществляет коммунистическое социальное обеспечение, при котором каждый впавший… в нужду, каждый нетрудоспособный может надеяться, что государство не даст ему умереть с голода, а придет ему на помощь». Данная система социальной поддержки вносила новые виды материального обеспечения и услуг (пенсии по старости и инвалидности, пособия по безработице, беременности и родам, временной нетрудоспособности, на погребение усопших и др.).

В 20-30-е гг. главными препятствиями для реализации уникальной системы социального обеспечения были скудное финансовое обеспечение и нехватка кадров, но затем, по мере укрепления материальной базы Советского государства, система дополнялась новыми привилегиями и видами помощи, предоставлявшимися по категориальному принципу. Концепция социальной поддержки, начиная с 30-х гг., ориентировалась на установление относительно равного материального уровня различных социальных групп и «работала» на культивирование так называемого советского образа жизни.

В послевоенное время и до 60-х гг. руководителями государства и КПСС проводилась работа по совершенствованию социального законодательства и расширению функций системы социального обеспечения граждан. Социальное страхование и социальное обеспечение - две организационно-правовые формы социальной поддержки населения в СССР финансировались за счет прямых ассигнований из государственного бюджета. Постепенно расширялся круг лиц, получавших выплаты в различных страховых случаях.

Курс на постоянный рост благосостояния населения в СССР в «годы развитого социализма» выражался в попытках улучшить условия труда и быта советских граждан с учетом специфических интересов и потребностей различных групп (пенсионеры, молодежь, женщины, семьи с детьми и т.д.). Государство для достижения социальной однородности советского общества старалось сбалансировать уровни материальной обеспеченности и удовлетворения потребностей различных групп, ликвидировать «классовые различия, существенные различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом…».

Общедоступность и дешевизна социальных благ преподносились населению как неоспоримые доказательства успехов коммунистического строительства и «неустанной заботы» руководителей страны о материальном благополучии народа.

Советская модель социальной защиты имела монистический характер; в качестве основного механизма ее организации и реализации выступало государство. В последующие годы система принципиально не менялась, среди ее главных элементов выделялись субсидирование жизненно важных товаров и услуг, социальная поддержка в виде государственных социальных пособий. Декларирование широких привилегий и социальная избыточность были призваны снизить социальное недовольство советских граждан, поводом для